

A. Расинев

Andrej Strug
Die Geschichte einer Bombe

Roman

АНДРЕЙ СТРУГЪ
**ИСТОРИЯ ОДНОЙ
БОМБЫ**

Романъ

BERLIN
J. Ladyschnikow Verlag
G. m. b. H.

Авторское право закрѣплено на основаніи Русско-Германской,
равно и Бернской литературной конвенціи.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht in fremde Sprachen.

I.

... Долго созрѣвалъ этотъ плодъ...

Шли годы, уничтожали жизнь и пожирали человѣческія души. Противъ врага вооружались идеи и ненависть, и орудіемъ было самопожертвованіе многихъ людей и терпѣливое, мучительное выжиданіе... Таинственно, какъ еле уловимыя живыя созданія на поверхности моря, накоплялись слоями осадки ничтожныхъ дѣйствій.

И наступилъ день, когда воля выступила изъ предѣловъ желаній. Воля превращалась въ дѣйствіе. Люди вспыхнули и захотѣли головой прошибить стѣну — они голыми руками испробовали свою силу. И полились первые потоки крови.

У рабочаго для всего есть орудіе: есть орудіе для желѣза, для камня и для всего другого. Есть молотокъ и долото, есть коса и топоръ.

Но эта работа, которая стѣной стояла передъ вѣчнымъ рабочимъ, была нова и неслыханна. Надо было разрушать, надо было убивать...

И стали готовить это разрушительное, смертоносное орудіе послѣ долгихъ обсужденій и горячихъ споровъ. Въ нихъ принимали участіе и холодный разсудокъ, и горячая страсть. Тутъ играли роль политика и мстительность, обдуманность и злоба, старая, испытанная мудрость и новое безуміе.

Тутъ спорили между собой: вѣра въ извѣстное настоящее и въ неизвѣстное будущее.

И вотъ, наконецъ, динамитная бомба покатилаcь по мостовой.

Это была чугунная банка съ крѣпко привинченной крышкою. Она была похожа на полуфунтовую банку какао или на двухфунтовую банку съ заграничнымъ вареньемъ. Она вѣсила фунтовъ десять и, несмотря на свою тяжесть, удобно могла помѣститься въ карманѣ. Ея составъ былъ весьма сложный, видъ она имѣла обыкновенный, а назначеніе ея — всѣмъ извѣстно.

Куда дѣлся мастеръ ея, кто изготовилъ ее? Онъ, быть можетъ, пропалъ безъ слѣда?

Это былъ малоизвѣстный въ научномъ мірѣ химикъ, мрачный субъектъ, побывавшій, несмотря на нужду, почти во всѣхъ университетскихъ лабораторіяхъ Европы. Онъ не гонялся ни за карьерой, ни за славой, онъ искалъ правду — вѣрнѣе, химическую формулу для опредѣленнаго, но необыкновеннаго соединенія: безвѣтное, какъ газообразное тѣло, безъ запаха, невидимое, оно, тѣмъ не менѣе, было всѣмъ извѣстно. О немъ писали въ научныхъ журналахъ, его изучали, измѣряли, взвѣшивали, но оно ускользало отъ многочисленныхъ ученыхъ Миллеровъ и Шульце, и пряталось въ громадномъ химическомъ мірѣ, и его формула была въ данный моментъ извѣстна только тому, кто считалъ звѣзды на небѣ и воды въ океанахъ.

Съ настойчивостью безумца, отрѣзанный отъ всего остального міра, вдали отъ родины, сидѣлъ химикъ, окруженный трубками, ретортами, дестилляторами, въ вонючей атмосферѣ химическихъ реактивовъ, плохо питаясь, цѣликомъ уйдя въ погоню за своимъ незримымъ идеаломъ безъ цвѣта и запаха; онъ съ каждымъ годомъ все больше замыкался въ себя, и маія его все усиливалась. Онъ уже совершенно не зналъ, что происходитъ на свѣтѣ, и еще меньше интересовался тѣмъ, что происходитъ гдѣ-то вдали, на его родинѣ. Отъ полнаго безумія его, однако, спасла революція.

Трудно объяснить, какъ все это произошло.

Благодаря весьма сложнымъ, еле уловимымъ ассоціациямъ, преобразованіямъ, процессамъ дифузіи, поглощенія, сгущенія, растворенія и кристаллизаціи, благодаря особому высокому давленію, таинственному средству растворимыхъ элементовъ и наконецъ благодаря вліянію неизвѣстнаго тѣла, которое мы назовемъ X, въ мозгу этого чудака образовалась особая гипотеза: она заключалась въ томъ, именно, что начавшіяся теперь такъ кроваво и такъ бурно событія на его родинѣ ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть для него безразличными. Спустя нѣкоторое время химикъ приступилъ къ точному качественному и количественному анализу этого новаго соединенія, которое обычно называютъ тоской по родинѣ и составныя части котораго летучи, разнообразны и поразительны. Это соединеніе отличалось, очевидно, особенно высокимъ удѣльнымъ вѣсомъ, потому что оно тяжелымъ бременемъ ложилося на душу химика, угнетало его и не давало ему покоя. Анализъ былъ слишкомъ тяжелъ для мозга, испорченнаго опытами съ ихъ трубками, ретортами и реактивами; послѣ даже самыхъ тщательныхъ изслѣдованій на поверхности оставался назойливый, нерастворимый осадокъ и ничего съ нимъ нельзя было подѣлать.

Въ это же время одинъ революціонеръ обѣзжалъ Европу въ поискахъ за человѣкомъ науки, который былъ бы готовъ принести свои знанія и свою жизнь на алтарь революціи. Онъ велъ безконечные переговоры и его системы убѣждать, не говоря всей правды, терроризовать нужныхъ ему людей, были самыя разнообразныя. Но такъ какъ дѣло шло не объ отысканіи конспиративной квартиры, не о матеріальной поддержкѣ, и не о полученіи паспорта, а объ услугахъ, которыя были равносильны веревкѣ вокругъ шеи, то оказалось, что этотъ товарищъ, несмотря на свои геніальныя агитаторскія способности, не нашель во всей Европѣ ни од-

ного человѣка среди извѣстныхъ людей науки, который согласился бы посвятить свои техническія знанія дѣлу революціи. Но агитаторъ не терялъ надежды и сталъ собирать адреса совершенно неизвѣстныхъ химиковъ и навѣщать ихъ. Въ Геттингенѣ одинъ химикъ выгналъ его изъ квартиры: онъ оказался убѣжденнымъ, послѣдовательнымъ національ-демократомъ. Другой же, въ Бернѣ, сразу согласился, былъ на все готовъ, давалъ торжественныя обѣщанія, и все это онъ дѣлалъ съ быстротой молніи, такъ что агитаторъ къ концу совѣщанія догадался, что его считаютъ сумасшедшимъ и хотятъ отъ него какъ можно скорѣе избавиться. Третій же — дѣло было въ Парижѣ, — какъ только услышалъ предложеніе, сдѣланное ему незнакомцемъ самымъ спокойнымъ образомъ, лишился отъ ужаса языка и забылъ, что у него въ рукѣ флаконъ съ азотистой кислотой — совѣщаніе происходило въ лабораторіи. Онъ обжегъ себѣ ногу и проболѣлъ шесть недѣль. Но неутомимому агитатору удалось за это время найти нужнаго ему человѣка.

Товарищи въ одной заграничной колоніи дали ему адресъ одного химика, но тутъ же заявили, что нѣтъ никакой надежды, чтобы этотъ сумасшедшій, забывшій уже почти свой родной языкъ человѣкъ могъ оказаться полезнымъ для какого бы то ни было дѣла. Агитаторъ отправился къ нему, безъ надежды на успѣхъ, но и безъ колебаній, вѣрный себѣ въ желаніи во что бы то ни стало устроить это дѣло.

Но оказалось, что химикъ сразу согласился, какъ будто только и ждалъ этого приглашенія. Какъ это случилось? Какъ могло случиться, что эти два человѣка съ такими противоположными натурами сразу столкнувались между собой, что химикъ сразу бросился въ авантюру, о которой онъ не имѣлъ понятія, которую онъ даже во снѣ не могъ предвидѣть. Какъ это слу-

чилося? Кто может это знать? Въ тѣ времена происходили еще болѣе удивительныя вещи.

Въ одинъ прекрасный день химикъ прекратилъ борьбу съ своимъ врагомъ, не имѣвшимъ ни запаха, ни цвѣта, и отложилъ дальнѣйшій походъ противъ него на неопредѣленное время. Онъ снялъ свой бѣлый китель и рабочій передникъ, сложилъ все свое имущество, — комплекты разныхъ техническихъ журналовъ на нѣсколькихъ языкахъ и свое единственное собственное печатное произведеніе — половина печатнаго листа, сплошь усыяннаго химическими іероглифами, — и поѣхалъ въ ту страну, которая представляла собой тогда бурлящій котелъ съ совершающимися въ немъ таинственными духовными и матеріальными процессами, связующимъ звеномъ которыхъ былъ всѣмъ извѣстный въ дьявольской химіи жизни элементъ — элементъ въ состояніи жидкой агрегации, краснаго цвѣта. Энергія соціальныхъ соединеній съ силой прорывалась снаружи; между анодомъ и катодомъ прошли сильныя токи, — а по срединѣ были навалены горы труповъ.

Что могъ искать тамъ весь отдавшійся наукѣ чловѣкъ съ душой, одурманенной испареніями лабораторіи? Если логически рассуждать — ничего. Но къ счастью для прогресса міра наступаютъ, хотя и рѣдко, въ соціальной жизни такія эпохи, когда логика улетучивается изъ мозга и издали наблюдаетъ за тѣмъ, что предпринимаютъ тогда люди.

Черезъ нѣкоторое время нашъ химикъ поселился въ глухомъ предмѣстьи Варшавы, въ домикѣ, снятомъ для него партіей, и тамъ онъ сталъ работать для партійныхъ цѣлей, во вредъ царизму. Онъ сталъ домашними средствами изготовлять орудіе, при помощи котораго должна была быть отчасти завоевана независимость родины и дана возможность польскому пролетариату болѣе скорого достиженія его конечныхъ цѣлей.

Стремленіе къ независимости представлялось нашему ученому въ довольно туманномъ видѣ, а о конечныхъ цѣляхъ онъ имѣлъ очень смутное представленіе — тѣмъ не менѣе онъ работалъ весьма усердно и терпѣливо, не считаясь ни съ собой, ни съ тѣми, для которыхъ онъ изготовлялъ это адское орудіе. Онъ пользовался солидной репутаціей. О немъ говорили:

«Наконецъ-то у насъ имѣется настоящій химикъ!»

«Онъ знаетъ это дѣло. И для престижа партіи очень цѣнно, что такой ученый...»

«Настоящій ученый...»

«Извѣстный въ широкихъ кругахъ...»

«Всемирно извѣстный...»

Приблизительно разъ въ двѣ недѣли въ этотъ маленький домикъ входила бѣдно одѣтая дѣвушка. Такъ какъ химикъ каждый разъ бывалъ предупрежденъ о ея визитѣ, то онъ надѣвалъ воротникъ, причесывалъ волосы, покрывалъ дырявымъ одѣяломъ неубранную постель, провѣтривалъ квартиру, выметалъ валявшіеся на полу окурки папиросъ, тщательно запиралъ дверь въ лабораторію и нетерпѣливо ожидалъ гостю.

Онъ встрѣчалъ ее весьма сердечно. Отвѣщивалъ неуклюжій поклонъ, дико, какъ безумный, улыбался оскаленными, гнилыми зубами; дѣвушка подымала къ нему свои большіе, печальные глаза, въ которые одичалый отшельникъ никогда не рѣшался взглянуть, развѣ только украдкой.

«Что новаго на свѣтѣ? Я вѣдь здѣсь отрѣзанъ отъ міра.»

Въ сущности, его совѣзмъ не интересовало, что происходило на свѣтѣ, такъ какъ онъ всю свою жизнь прожилъ отрѣзаннымъ отъ всего свѣта, но надо же было о чемъ нибудь говорить, съ чего нибудь начать.

Разговоры съ Камой были для него неизъяснимымъ блаженствомъ. Уже одинъ голосъ ея, внѣ зависимости

отъ того, что она говорила, вызывалъ у него вибрацію въ тѣхъ частичкахъ, которыя являлись составной частью его мозга или, вѣрнѣе, сердца. Отшельникъ, для котораго еще недавно было чуждо все то, что выходило изъ узкихъ предѣловъ кислородныхъ соединений, отдавался во власть печальныхъ глазъ незнакомой дѣвушки, не отдавая себѣ совершенно отчета въ своей душевной перемѣнѣ. Женщины никогда не существовали для него, и не женщина вызвала въ немъ этотъ чрезмѣрный подъемъ. Это было просто какое-то чудо, или вѣрнѣе химическая реакція, выходящая далеко за предѣлы всѣхъ извѣстныхъ наукъ законовъ и гипотезъ.

Ихъ разговоры касались главнымъ образомъ политическихъ темъ и партійныхъ дѣлъ. Кама при первомъ же посѣщеніи лабораторіи съ удивленіемъ призналась себѣ, что таинственный препаратъ, вызывавшій въ ней безграничное чувство уваженія, не имѣлъ понятія о самыхъ элементарныхъ вещахъ въ области проблемъ движенія, извѣстныхъ каждому заурядному члену партіи.

Не говоря уже объ учредительномъ собраніи въ Варшавѣ, о боевой организаціи и ея тактикѣ, расколовшей партію на два лагеря и тому подобныхъ спорныхъ и запутанныхъ вопросахъ, о которыхъ онъ и не слышалъ никогда, химикъ, какъ это замѣтила Кама, питалъ еще иллюзіи въ духѣ національ-демократовъ и даже — о ужасъ! — не былъ проникнутъ должнымъ презрѣніемъ къ людямъ изъ лагеря эсдековъ.

Кама приносила желѣзныя принадлежности для бомбъ, необходимыя химическія вещества, а также и динамитъ, и забирала съ собою изготовленныя бомбы. Она была единственнымъ существомъ, имѣвшимъ непосредственный доступъ къ лабораторіи. Черезъ нее велась переписка и отъ нея химикъ получалъ инструкціи, заказы и деньги на жизнь. Она считала поэтому своей обязанностью посвящать ничего не знающаго отшель-